

Александр Дуличенко

**ЯЗЫКИ ОБЪЕДИНЕННОЙ ЕВРОПЫ:**

***SPRACHEN IN EUROPA. SPRACHSITUATION UND  
SPRACHPOLITIK IN EUROPÄISCHEN LÄNDERN***

Hrsg. von I. Ohnheiser, M. Kienpointner und H. Kalb, (Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft, Bd 30), Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1999, XI, 516 S.

Рецензируемая коллективная монография посвящена исследованию лингвистической структуры Европы, которая систематически исследуется, начиная с классических трудов А. Доза и Д. Дечи (Dauzat 1953; Décsy 1973). Ныне эта проблематика особенно актуализировалась в связи с процессом создания так наз. Объединенной Европы (ср. также Mattusch 1999). Выдвигается изучение проблем языков межэтнического (resp. Межгосударственного) общения, а также языков внутризтнического распространения. В этой связи обостряется и проблема языков малых этнических групп Европы, которых насчитывается в ней несколько десятков. Книга как раз и посвящена вопросам языковой ситуации и языковой политики, проводимой современными европейскими странами. Этому аспекту отведено пять разделов (с. 11–391), к которым примыкают еще четыре небольших (с. 383–489), касающихся некоторых общих вопросов коммуникации. Имеется в книге и приложение (с. 491–511), о котором мы скажем ниже. Это коллективная монография, создателями которой являются преимущественно австрийские языковеды и прежде всего специалисты и гости различных филологических институтов Иннсбрукского университета. В ее основу положены лекции, читанные на гуманитарном факультете этого университета в 1998 г. Текст книги на немецком языке, за исключением одной, носящей информативный характер, заметки на французском языке.

Книгу предваряет текст Manfred'a Kienpointner'a «Языки мира — языки Европы: цифры и факты» (с. 1–10), в которой, опираясь на данные других исследователей, автор дает статистический обзор языков мира (их, по разным данным, от 4000 до 6700), особо останавливается на крупных языках, из которых, например, английский в качестве родного считают 322 млн. чел., а всего в мире им пользуются 800 млн.; русский родным является для 170 млн. (в действительности, по данным последней переписи населения СССР 1989 г., их было около 145 млн.). Коснувшись языковых семей старого континента, он так и не дал полной их картины, в том числе и не отметил наличие в Европе малых славянских языков, или микроязыков, которые, как и ряд кельтских, романских и др., стоят перед угрозой исчезновения (см., например, Дуличенко 1981).

В разделе «Языки внутри и вокруг Австрии» (с. 1–102) выделяются работы Hans'a Moser'a и Hans'a Goeb'l'a. H. Moser анализирует языковую вертикаль Австрии — соотношение на различных языковых уровнях стандартного (Standardsprache), повседневного языка (Umgangssprache), интердиалекта (Verkehrsdialekt) и основного диалекта (Basisdialekt), выделяет характерные австриаизмы в их отношении к особенностям немецкого Германии, Швейцарии и склоняется к концепции полицентризма (Plurizentrismus), т. е. отражения в грамматиках и словарях специфичных для каждой немецкоязычной страны черт. К статье прилагается текст проекта «Словарь национальных и региональных вариантов немецкого стандартного языка». H. Goeb'l характеризует языковую политику габсбургов. В его интерпретации она была либеральной, поскольку немецкий язык официально не был узаконен в качестве государственного, а другие языки с середины XIX в. имели возможности для свободного развития (например, с 1849 г. на 10 языках империи выходила юридическая газета-бюллетень, развивалось образование и т. д.). Статью завершают схемы и таблицы, показывающие соотношение этносов в монархии за 1910 г., преподавание языков в школах на 1849 г. и др. Этой статьей издатели книги хотели, вероятно, подчеркнуть важность учета опыта прошлого для современной Австрии и прилегающих к ней стран. Sigrid Darinka Völkl пишет о южнославянских меньшинствах Австрии — о каринтийских и штирийских словенцах, о градищанских (или бургенландских) хорватах. На удивление, в списке использованной автором литературы не содержится ни одной работы на других, кроме немецкого, языках. К тому же утверждение автора о том, что градищанские хорваты имеют лишь один словарь, немецко-градищанскохорватско-хорватский (1982), не соответствует действительности: в 1991 г. почти тот же коллектив выпустил большой по объему (842 с.) градищанскохорватско-хорватско-немецкий словарь (GHNRj 1991). Maria Iliescu пишет о немецком влиянии на румынский, Konstantin Wöbking дает синтезированную характеристику венгерского языка, Rudolf Šrámek рассматривает современную ситуацию с чешским языком, акцентируя внимание на социальном и территориальном его расслоении.

В небольшом разделе «Языки и диалекты в европейском регионе Тироля» (с. 103–143) приводится редкий материал об архаичных диалектах и языках региона. Guntram Plangg знакомит с романскими диалектами Тироля (так наз. западнороманским, доломитолоадинским и др.), Heidi Siller-Runggaldier характеризует ситуацию с ладинским (ретороманским), а Barbara Stefan затрагивает угасающий германский цимбрский языковой остров в верхней Италии Цимбрским владеют сегодня немногим более ста человек, ныне он переживает возрождение: на нем издаются книги и выпускают журнал «Identità», из которого приводятся образцы текстов (с. 138–139).

Характеристика языков Европы представлена и в разделе «Известные языковые группы — 'неизвестные' языки» (с. 145–264). Немецкий языковед Rainer Eckert пишет о современных литовском и латышском языках. Небезынтересно здесь было бы также напомнить о попытках, начиная с 80-х гг. XX в., возродить в Литве прусский язык изданием

нормативной грамматики, организацией общества и под. (см., например, грамматики Л. Палмайтиса: Klusis 1989; Клоссе 1990, 72–116, а также издаваемый им бюллетень «Prūsas tautos prėigara») — ведь это тоже компонент (хотя и весьма специфический), который ныне переживает балтийский языковой ареал. Andrea Fiedermutz дает синтезированный очерк истории и современного положения идиш. Она считает, что это «пока еще не мертвый, но все же 'вымирающий' язык» (с. 170). Mozes F. Heinschink пишет о цыганском, возводя в ранг отдельного языка диалект синти (с. 177–190), говорит о возрождении в Австрии цыганской культуры и языка (жур. «Romano Centro», радиопередачи и др.). Разработан проект кодификации цыганского литературного языка Австрии. Лингвистическая «загадка» Европы — баскский язык (от 600 тыс. до 700 тыс. человек в основном в Испании) — получил здесь лингвистическое и социолингвистическое описание (Maria J. Kereheta и Bernhard Hurch). Подробно и интересно изложена ситуация с современными кельтскими языками: Wolfgang Meid излагает историю кельтских языков, а Ulrike Roider приводит любопытные социолингвистические факты о новокельтских языках. Так, ирландский провозглашают своим «родным» около 800 тыс. человек, из которых примерно 120 тыс. могут на нем говфрить. В Шотландии на шотландско-гэльском (Schottisch-Gälisch) говорит около 80 тыс. человек. Близкий к ирландскому язык манкс — Manx (на острове Ман — Man) еще звучал во второй половине XX в., однако последний представитель этого языка умер в 1974 г. Есть немало энтузиастов, которые хотят возродить его, как и прусский. Из всех новокельтских языков кимрский Уэлса считается наиболее «живучим» (lebenskräftigste Sprache), на нем говорят полмиллиона человек. В 30-е гг. XX в. умерла последняя представительница корнского языка (имевшего распространение в Корнуэлле). Как и в случае с манкским, ныне около одной тысячи человек стремятся говорить по-корнски. Бретонским (на северо-западе Франции, полуостров Бретань) пользуются от 50 тыс. до 100 тыс. человек. Здесь делается немало для того, чтобы этот микроязык как можно дольше сохранялся в употреблении. Среди языков Скандинавии, кроме хорошо известных, рассматриваются и островные исландский (около 250 тыс. человек) и фарерский (около 50 тыс. человек), которые получают в статье Roger'a Reidinger'a суммарную характеристику. Непонятно только, почему такие разные языки, как, с одной стороны, саамский и финский, с другой — язык немецкого меньшинства в южной Дании, обозначены как «несеверогерманские языки Скандинавии» (с. 263).

В книге имеется материал о языковых контактах, лингвистическом законотворчестве, а также о такой «горячей» социолингвистической проблеме, как языковые конфликты. Последние связываются с бывшей Югославией, с проблемой сербско-хорватского языка (автор S. D. Völkl). Напомнив об исторических корнях языкового единства сербов, хорватов, боснийцев и черногорцев, автор замечает, что к концу 80-х гг. XX в. дивергенционные тенденции здесь стали настолько очевидными, что боснийские языковеды предложили полицентрическую модель сербско-хорватского литературного языка в виде четырех вариантов — сербского, хорватского, боснийского и черногорского. После развала Югославии

стали, опираясь на социалингвистические критерии, говорить о сербском, хорватском и боснийском как об отдельных языках, причем в хорватский вводится множество лексических новшеств, отражающих пуристические настроения в хорватском обществе и стремление как можно дальше отойти от общей с сербским основы. Дело доходит, если верить периодической печати и некоторым научным публикациям, до парадоксов: общее для всех народов, говорящих на сербско-хорватском языке, слово *kurac* 'membrum virile' в Хорватии некоторые ретивые пуристы пытаются заменить «собственным» эквивалентом вроде *nježnik* «нежный (предмет)» или *milokliz* «приятно скользящий» (примеры наши). Нам кажется, что, говоря о конфликтной ситуации, связанной с сербско-хорватским языком, нужно было бы коснуться и проблемы так наз. черногорского языка (см., например, публикации В. Никчевича: Nikčević 1993; Nikčević 1997 и др.; обстоятельно проблематика расслоения сербско-хорватского литературного языка рассматривается в монографии: Okuka 1998). Petra Braselmann излагает принципы языковой политики современной Франции, где приняты уже два лингвистических закона (1975 и 1994 гг.), в соответствии с которыми «объявлена война» англо-американизмам (запрещено примерно три тысячи единиц), языковому гибриду *franglais*. Автор считает, что такие «антиевропейские движения» не способствуют формированию «Европы без границ». В статье о языковой политике современной Испании (Petra Braselmann и Barbara Hinger) затронуты некоторые аспекты региональных языков (баскский, каталонский, галисийский), а также английского языка в этой стране. Как и во Франции, в Испании развивается гибридная языковая форма — *espanglis*, однако испанцы, в отличие от французов, не выносят борьбу с этим гибридом на государственный уровень. Peter Aigreiter касается давней проблемы балканского языкового союза.

Последний раздел книги назван «Языки (международного) общения — плановые языки» (с. 335–391) и затрагивает английский в мире (Manfred Markus), русский как «второй родной» (Ingeborg Ohnheiser) и плановые (= международные искусственные) языки (Hermann Ölberg). Интенсивная англо-американизация всех сфер жизни Европы выдвинула острейшую проблему — отношения к английскому языку. Этот язык выполняет в Европе роль *lingua franca* не только в области политики, экономики, науки, технологии, т. е. в сферах, направленных на международное сотрудничество, но и в тех областях, где в этом, казалось бы, нет особой необходимости (каналы ТВ, радио, школа). В числе причин, способствующих распространению английского в Европе, автор называет аналитизм его грамматической системы (хотя и не считает английский легким языком), а также генетически смешанный его характер («das Englische ist ein Bastard, ein Mischling», с. 347), что помогает носителям многих европейских языков находить в нем что-то близкое, похожее, знакомое. Формируется, по сути, «евроанглийский язык» (Euro-Englisch), характеризующийся, с одной стороны, отсутствием типичных для Британии диалектизмов, сленга и проч., с другой стороны, упрощенной формой, называемой *basic English*. Здесь можно было бы вспомнить о том, что в интерлингвистике давно и активно ведутся разработки по

созданию проекта «базового английского» — *Basic English* (см., например, Дуличенко 1990, 252–254; там же и литература вопроса). Кстати, заключительная часть статьи М. Маркуса, названная «Английский в Австрии сегодня» в действительности Австрии не касается! I. Ohnheiser поднимает уже подзабытую «теорию» русского языка как «второго родного», активно внедрявшуюся в практику последних полтора-двух десятилетий существования Советского Союза. Автор показывает, что эта «теория» как нежизненная была отброшена во времена «перестройки», когда широко и открыто стали обсуждать вопросы национальной и языковой политики и, в частности, вопрос о месте и роли русского языка в новых условиях. Ныне, несмотря на упрочение позиций национальных языков в республиках бывшего Союза, русский язык в них, по мнению исследовательницы, во многих отношениях остается «главным посредником между 'западной' культурой и федерацией, или Союзом Независимых Государств (средства информации, ТВ, переводы) независимо от того, какую культурно-политическую ориентацию они избрали (как в отдельных среднеазиатских государствах)» (с. 365). Обращается и внимание на изменения в русском языке последнего времени, на опасность чрезмерной «интернационализации словаря» и формирования гибрида, который получил название *русангл* (подробнее о нем см. Дуличенко 1994, 315 и далее). Статья сопровождается рядом приложений, среди которых таблица языков народов СССР, опирающаяся на перепись 1979 г. (на основании немецкоязычного источника: *Landeskunde der UdSSR*, Leipzig, 1987), а не на последнюю перепись Советского Союза 1989 г. В целом анализ социолингвистических позиций русского языка проведен с большим знанием дела и представляет интерес не только для западного читателя. Показательно, что в современной европейской лингвистике значение, по крайней мере теоретическое, придается и таким средствам международного общения, как плановые языки. Н. Öberg рассматривает их возможности в контексте сложившейся уже истории лингвопроектирования, т. е. процесса создания международных искусственных языков, и современной языковой ситуации Европы (и мира). По последним данным, правда, противоречивым, эсперанто, например, используют от одного до нескольких миллионов человек главным образом при непосредственных контактах, в переписке и в передаче культурной, научной и проч. информации (периодика, специальные издания, радио, интернет и под.). При этом автор полагает, что международные искусственные языки «естественной структуры» (*naturalistischer Bau*), как, например, окциденталь-интерлингве или интерлингва, имеют перспективу регионального, например, европейского, распространения, так как построены преимущественно на латино-романском языковом материале, в то время как языки типа эсперанто, называемые схематическими (их грамматика сильнее абстрагирована от романской и германской) могут претендовать на более широкое международное использование.

Как мы уже отметили выше, последние четыре раздела книги (некоторые из них состоят всего из одной статьи!) непосредственно не касаются вопросов конкретной языковой ситуации и политики, однако они связаны с ними: это проблемы языкового посредничества (*Sprachmittlung*),

создания базы данных посредством терминологии, исследования специальных языков, а также проблем устной коммуникации и о перспективах изучения способов овладения языком. К книге приложены ценные документы: «Решение Совета Европы от 21 ноября 1996 г. о принятии многолетней программы поощрения языкового многообразия сообщества в информационном плане» (с. 494–503), а также принятая в 1998 г. Венская декларация «Основные положения о разнообразии культур и этносов» (с. 505–507).

Рецензируемая книга дает много нового в плане осмысления языковой ситуации и тенденций развития языковой политики Европы. В ней представлен большой фактический материал, на основе которого вырисовывается лингвистическая картина Европы конца XX столетия. Свежим моментом является помещение в конце каждой статьи адресов интернет, по которым читатель, заинтересованный в той или иной проблематике, может получить дальнейшие сведения — от материалов по мировым языкам до материалов по малым языкам, или микроязыкам, Европы и компьютерной обработки языковых данных. По каждой затронутой проблеме приводится наиболее важная новейшая литература. Имеются в книге и противоречия, которые из-за большого разнообразия проблематики редакторам полностью устранить не удалось. Так, вызывает удивление несоответствие статистических данных о крупнейшей десятке языков мира в статьях М. Kienpointner'a (с. 2) и М. Markus'a (с. 342), ср. Соответственно в миллионах: китайский 885 млн. + 77 млн. — 1 млрд., английский 322 млн. — 350 млн., испанский 266 млн. — 250 млн. и т. д. Авторы опираются на разные источники: первый на американское издание «Этнолог. Языки мира» (Grimes, ed., 1996), второй — на «Кембриджскую энциклопедию языка» (Crystal 1987). Однако помещенные в одном труде, эти разночтения нужно было бы как-то оговорить и тем самым предупредить читателя. Ряд частных замечаний нами сделан по ходу анализа текста книги (см. выше). В целом мы получили весьма богатый и полезный компендиум о лингвистической структуре современной Европы.

### Литература

- Crystal, D. 1987. *The Cambridge Encyclopedia of Languages*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Dauzat, A. 1953: *L'Europe linguistique*. Paris: Payot.
- Décsy, Gy. 1973: *Die linguistische Struktur Europas. Vergangenheit. Gegenwart. Zukunft*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Дуличенко, А. Д. *Международные вспомогательные языки*. Таллинн: Валгус.
- Дуличенко, А. Д. 1994: *Русский язык конца XX столетия*. (Slavistische Beiträge, Bd. 317). München: Otto Sagner.
- Дуличенко, А. Д. *Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития)*. Таллин: Валгус.
- GHNRJ — *Gradišćanskohrvatsko-hrvatsko-nimški rječnik*. Zagreb/Eisenstadt, 1991.

- Grimes, B., ed. 1996: *Ethnologue. Languages of the World*. 13<sup>th</sup> Edition. Dallas: Summer Institute of Linguistics.
- Клоссе, М. 1990: *Новопрусский язык: «Толькемита» и «Пруса»*. *Interlinguistica Tartuensis VII*, Tartu, 72–116.
- Kluisis, M. 1989: *Naujosios prūsų kalbos gramatika*. Vilnius.
- Mattusch, M. H.-J. 1999: *Vielsprachigkeit. Fluch oder Segen die Menschheit? Zu Fragen einer europäischen und globalen Fremdsprachenpolitik*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Nikčević, V. 1993: *Piši kao što zboriš*. Podgorica: CDNK.
- Nikčević, V. 1997: *Crnogorski pravopis*. Cetinje: Crnogorski Pen Centar.
- Okuka, M. 1998: *Eine Sprache viele Erben. Sprachpolitik als Nationalisierungsinstrument in Ex-Jugoslawien*. (Österreichisch-bosnische Beziehungen, Bd. 4). Klagensfurt etc.: Wieser Verlag.